

DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

УДК 336.22(045)

JEL H53, I38, O57

Парадокс снижения абсолютной бедности при росте доходного неравенства в российских регионах: оценка эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения

М.Л. Дорофеев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования — финансово-инвестиционная модель государственного и негосударственного социального обеспечения (ФИМСО) субъектов Российской Федерации и её эффективность в условиях макроэкономической нестабильности 2022–2025 гг. **Цель** работы — выявление системных ограничений действующих региональных ФИМСО, обусловленных методологией измерения абсолютной границы бедности, структурой перераспределения бюджетных ресурсов и высокой степенью региональной дифференциации социально-экономических условий. **Актуальность** исследования определяется ростом социально-экономического неравенства в России в 2022–2025 гг. на фоне формального сокращения уровня абсолютной бедности, что свидетельствует о методологических и институциональных недостатках российской системы социальной защиты. В условиях сырьевой зависимости экономики, высокой концентрации доходов и выраженной межрегиональной неоднородности совершенствование ФИМСО становится приоритетной задачей государственной финансовой политики, направленной как на преодоление бедности и обеспечение социальной справедливости, так и на сохранение стимулов для устойчивого экономического роста. Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные за 2022–2023 гг., предоставленные Росстатом и Единой государственной информационной системой социального обеспечения. Для выявления взаимосвязей между показателями бедности, неравенства и объёмов социальных расходов применён **метод** корреляционно-регрессионного анализа. Основное внимание уделено оценке линейной и нелинейной зависимостей между доходным индексом Джини и уровнем бедности (абсолютной и относительной), а также между подушевыми расходами на социальную защиту и макроэкономическими характеристиками регионов. В **результате** установлено, что в анализируемый период снижение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума сопровождалось ростом доходного неравенства. Показано, что в условиях высокой инфляции и быстрого роста номинальных доходов в отдельных регионах значительная часть населения с доходами, незначительно превышающими прожиточный минимум, оказывается вне зоны охвата социальной поддержки, что формирует феномен «скрытой бедности», особенно ярко выраженный в таких субъектах, как Москва. Предложена усовершенствованная методика оценки эффективности ФИМСО, основанная на коэффициентном анализе реальных подушевых расходов на социальную политику в расчёте на 1% бедного населения, нормированных на величину регионального прожиточного минимума. На основании полученных **результатов** сделан **вывод** о системной неэффективности действующей ФИМСО в части сдерживания роста социально-экономического неравенства и обеспечения социальной устойчивости в периоды макроэкономических шоков. В целях повышения устойчивости и адресности социальной политики обоснована необходимость перехода к концепции относительной границы бедности как основы для перестройки ФИМСО.

Ключевые слова: финансово-инвестиционная модель социального обеспечения (ФИМСО); абсолютная бедность; относительная бедность; доходное неравенство; индекс Джини; эффективность социальных расходов; региональное неравенство

Для цитирования: Дорофеев М.Л. Парадокс снижения абсолютной бедности при росте доходного неравенства в российских регионах: оценка эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения. *Экономика. Налоги. Право.* 2026;19(1):136–153. DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

ORIGINAL PAPER

The Paradox of Decreasing Absolute Poverty Despite Growing Income Inequality in Russian Regions: An Evaluation of the Efficiency of Financial-Investment Models for Social Security

M.L. Dorofeev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The paper's **subject** is the financial-investment model of state and non-state social security (FIMSS) in the constituent entities of the Russian Federation and its efficiency in macroeconomic instability in 2022–2025. The research **aims** to identify systemic limitations of the current regional FIMSSs caused by the methodology for measuring the absolute poverty line, the structure of budgetary resource redistribution, and high regional differentiation of socio-economic conditions. The study's **significance** hinges on the socio-economic inequality growth in Russia from 2022 to 2025, which, despite a stated drop in absolute poverty, reveals issues in the Russian social protection system. Given the economy's reliance on raw materials, the concentration of high incomes, and significant interregional differences, improving the FIMSS is now a key goal of state financial policy, which intends to eliminate poverty and promote social justice, along with fostering sustainable economic growth. The empirical basis of the study was official statistical data for 2022–2023, provided by Rosstat and the Unified State Information System of Social Security. **Methods** of correlation and regression analysis were the author's tools for identifying links between poverty indicators, inequality, and social spending. The paper focuses on evaluating the Gini income coefficient and poverty rates (both absolute and relative) relate, both linearly and non-linearly. It also examines per capita social protection spending and the macroeconomic characteristics of the regions. The study revealed that as the proportion of the population with incomes below the subsistence level decreased, income inequality grew. Under specific conditions of high inflation and fast nominal income growth, many people with incomes above the subsistence level are excluded from social support, **resulting** in "hidden poverty," which is especially clear in places like Moscow. The author suggests a better approach to evaluating FIMSS's efficiency by analyzing the ratio of actual per capita social policy spending for every 1% of the impoverished, adjusted by the regional subsistence minimum. The **results** lead to the **conclusion** that the current FIMSS fails systemically to curb socioeconomic inequality growth and ensure social stability in times of macroeconomic shocks. Restructuring the FIMSS should be based on a relative poverty line to increase social policy's sustainability and targeting.

Keywords: financial-investment model of social security (FIMSS); absolute poverty; relative poverty; income inequality; Gini coefficient; efficiency of social expenditures; regional inequality

For citation: Dorofeev M.L. The paradox of decreasing absolute poverty despite growing income inequality in Russian regions: An evaluation of the efficiency of financial-investment models for social security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2026;19(1):136-153. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2026-19-1-136-153

ВВЕДЕНИЕ

Современная российская система социального обеспечения функционирует в условиях усиления макроэкономической нестабильности и структурных преобразований, что актуализирует задачу оценки эффективности финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения (ФИМСО) субъектов Российской Федерации. В период 2022–2025 гг. на фоне формального сокращения уровня абсолютной бедности, измеряемого как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, наблюдается устойчивый рост социально-экономического

неравенства. Данное противоречие свидетельствует о наличии методологических и институциональных недостатков в конструкции отечественной системы социальной защиты, которая демонстрирует ограниченную способность к обеспечению социальной справедливости и устойчивости в условиях внешних шоков.

Проблема бедности остаётся одной из центральных задач социальной политики как в России, так и в глобальном масштабе. Социальная защита, как совокупность институтов, программ и трансфертов, призвана не только

смягчать экономические риски, но и активно способствовать выходу домохозяйств из состояния нищеты. Эффективность этих инструментов, однако, определяется множеством условий: качеством таргетирования, дизайном программ, институциональной инфраструктурой, а также объемом и структурой государственных ресурсов, выделяемых на социальную поддержку. В современной научной литературе представлено значительное количество эмпирических исследований и мета-анализов, позволяющих оценить, какие меры действительно снижают бедность, а где сохраняются системные ограничения.

Целью настоящего исследования является выявление системных ограничений действующих региональных ФИМСО, обусловленных методологией измерения абсолютной бедности, структурой перераспределения бюджетных ресурсов и высокой степенью региональной дифференциации социально-экономических условий.

Для достижения поставленной цели предполагается проведение эмпирического анализа динамики абсолютной и относительной бедности в субъектах Российской Федерации, разработка усовершенствованной коэффициентной методики оценки эффективности социальных расходов, а также классификация факторов эффективности ФИМСО, включая финансовую устойчивость, охват населения, адекватность выплат и устойчивость к внешним шокам.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В российских регионах наблюдается значительная неоднородность в реализации мер социальной поддержки. Гришина и Цацура на основе панельного регрессионного анализа данных Росстата и ЕМИСС за 2013–2020 гг. показывают, что более адресные и целенаправленные трансферты действительно способствуют снижению бедности, однако их эффективность ограничена слабыми механизмами идентификации малоимущих и недостаточной дифференциацией мер социальной поддержки [1]. Эти выводы подтверждаются экспертными оценками НИУ ВШЭ, согласно которым лишь незначительная доля бюджетных расходов на социальную защиту достигает наиболее нуждающихся групп населения, а адресная помощь сохраняет маргиналь-

ный характер в структуре социальных расходов бюджетной системы России¹.

Специфика пространственного распределения ресурсов в рамках бюджетного федерализма и надлежащее применение инструментария государственного финансового регулирования социальной сферы должны сокращать уровень региональной дифференциации доходов [2–4]. Особое место в российской системе социальной защиты в последние годы занимает социальный контракт — форма адресной помощи, предполагающая взаимные обязательства между получателем и государством. Орлова, анализируя опыт 21 субъекта Российской Федерации, отмечает, что социальный контракт может выступать стимулом для повышения трудовой активности и достижения самообеспеченности, однако его охват и результативность пока остаются ограниченными [5]. Егорова в своём социологическом исследовании выявляет риски институционализации этого инструмента, среди которых выделены: дублирование программ, слабая систематизация критериев нуждаемости на региональном уровне и потенциальные злоупотребления со стороны бенефициаров [6;7].

Анализ парадокса снижения абсолютной бедности при одновременном росте доходного неравенства в российских регионах требует обращения к теоретическим и эмпирическим исследованиям, посвященным анализу финансового механизма социального обеспечения, региональной дифференциации и факторам неравенства [8;9]. Прямые факторы неравенства, такие как бюджетные и налоговые механизмы, при определенных условиях не позволяют преодолевать парадокс снижения бедности при росте доходного неравенства. Модель прогрессивного налогообложения в России в настоящее время проходит масштабную трансформацию, но может оставаться по-прежнему недостаточно адекватной для сдерживания роста доходного и тем более имущественного неравенства [10].

Налоговые преференции и диверсификация налоговой системы могут играть ключевую роль в пространственном выравнивании и реализации национальных проектов развития, что косвенно влияет на структуру социальных расходов реги-

¹ Повышение эффективности и результативности социальной защиты за счет развития программ адресной поддержки нуждающихся. Овчарова Л. Н., ред. М.: Независимый институт социальной политики; 2016. 150 с.

онов России [11]. Аналогично, диверсификация налоговой системы рассматривается как фактор успешной реализации национальных проектов, включая социальные, через расширение фискальной базы и повышение устойчивости бюджетов субъектов РФ [12]. Эти подходы подчёркивают необходимость интеграции налоговой политики в механизмы перераспределения ресурсов для снижения регионального неравенства и поддержки эффективности ФИМСО.

В условиях цифровизации социальной инфраструктуры возникает дополнительный дисбаланс, проявляющийся в том, что повышение среднего уровня финансовой инклюзии сопровождается усилением доходного неравенства в регионах с низкой цифровой грамотностью [13;14].

Таким образом, инструменты социальной защиты, в особенности денежные трансферты и социальный контракт, обладают значительным потенциалом для снижения бедности и улучшения социально-экономических исходов. Однако их результативность сильно зависит от институционального контекста, качества таргетирования и эффективности системы проверки нуждаемости, дизайна программ и устойчивости финансирования в периоды экономических шоков.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическую основу исследования составили официальные статистические данные за 2022–2023 гг., предоставленные Росстатом и Единой государственной информационной системой социального обеспечения.

Для выявления взаимосвязей между показателями бедности, неравенства и объёмов социальных расходов применён метод корреляционно-регрессионного анализа. Основное внимание уделено оценке линейной и нелинейной зависимостей между доходным индексом Джини и уровнем бедности (абсолютной и относительной), а также между подушевыми расходами на социальную защиту и макроэкономическими характеристиками регионов.

В рамках методологического развития оценки эффективности финансовых моделей социального обеспечения предложена модифицированная методика коэффициентного анализа, соответствующая принципам БК РФ.

Коэффициент эффективности ФИМСО рассматривается как соотношение не агрегированных,

а подушевых бюджетных расходов на социальную политику и доли населения с доходами ниже границы бедности. Подушевые расходы на финансирование ФИМСО в реальном выражении соотносятся с региональным уровнем бедности в процентах от общей численности населения. В результате формируется показатель реальных подушевых расходов на 1% бедного населения — K1:

$$K1 = \frac{РПР_Ф_ФИМСО}{ДБН}, \quad (1)$$

где РПР_Ф_ФИМСО — реальные подушевые расходы на финансирование ФИМСО, рублей; ДБН — доля бедного населения в % от общей численности населения (абсолютная граница бедности).

Эффективность ФИМСО предлагается оценивать как предельный показатель, т.е. как эффект от сокращения уровня абсолютной бедности, достигнутый за счет прироста реальных подушевых расходов. Таким образом, эффективность ФИМСО определяется величиной требуемых дополнительных расходов для сокращения уровня абсолютной бедности на 1%.

Для обеспечения сопоставимости между регионами данный показатель нормируется на величину регионального прожиточного минимума, в результате чего получается «цена» сокращения уровня бедности на 1%, выраженная в региональных прожиточных минимумах — K2:

$$\left\{ \begin{array}{l} K2 = \frac{\Delta РПР_Ф_ФИМСО}{\Delta ДБН \cdot РПМ}, \\ \Delta РПР_Ф_ФИМСО \geq 0 \\ \Delta ДБН \geq 0 \end{array} \right. \quad (2)$$

где

$\Delta РПР_Ф_ФИМСО$ — абсолютное изменение (прирост) реальных подушевых расходов на финансирование ФИМСО, рублей (если величина $\Delta РПР_Ф_ФИМСО$ отрицательная, при условии сокращения уровня бедности, то следует оценить избыточность расходов на финансирование бедности в предыдущем периоде и исходить из предпосылки высокой базы финансирования ФИМСО для заданного уровня бедности, либо влияния экзогенных факторов на показатель бедности);

$\Delta ДБН$ — абсолютное изменение (сокращение) доли бедного населения в % от общей численности

населения в текущем периоде по сравнению с предыдущим, процентных пунктов, рассчитанное как разница между уровнем бедности в предыдущем году и уровнем бедности в текущем году (если уровень бедности увеличился, то изменение расходов на финансирование ФИМСО следует признать неэффективными);

РПМ — величина регионального прожиточного минимума в текущем периоде, рублей.

Поскольку $\Delta РПР_Ф_ФИМСО$ и $\Delta ДБН$ могут принимать как положительные, так и отрицательные значения, интерпретировать результаты расчета K_2 следует с учетом изменения каждого фактора, отсеивая возможные логически некорректные результаты.

Например, значительный рост уровня бедности (отрицательное значение $\Delta ДБН$) при незначительном сокращении расходов на финансирование ФИМСО (отрицательное значение $\Delta РПР_Ф_ФИМСО$) приведет к тому, что K_2 будет низким, а изменение финансирования ФИМСО следует признать эффективным, что было бы некорректным выводом. Поэтому для формулы 2 даны два соответствующих ограничения.

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ УРОВНЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Анализ эффективности региональных финансово-инвестиционных моделей социального обеспечения в контексте сокращения бедности и социально-экономического неравенства требует комплексного сопоставления динамики целевых показателей с объемами финансовых ресурсов, направляемых на реализацию социальной политики. Статистические данные за 2022–2023 гг. демонстрируют, что в большинстве субъектов Российской Федерации наблюдается одновременное сокращение уровня абсолютной бедности и рост доходного неравенства, что свидетельствует о системных методологических проблемах в конструкции отечественной ФИМСО (табл. 1).

Эмпирический анализ выявил противоречивую взаимосвязь между официальным показателем бедности, определяемым по абсолютной границе (прожиточному минимуму), и уровнем доходного неравенства. Согласно данным Росстата, в субъектах РФ с более высоким уровнем доходного не-

равенства по индексу Джини фиксируется более низкий уровень абсолютной бедности (рис. 1).

Уравнение регрессии демонстрирует, что показатели абсолютной бедности обладают слабой объясняющей способностью в отношении вариации уровня доходного неравенства. Полученные данные указывают на системную аномалию, при которой сокращение уровня бедности может сопровождаться ростом доходного неравенства в регионах России.

Сравнительный анализ уровня относительной бедности выявляет значительный разрыв между Российской Федерацией и странами ОЭСР (табл. 2). Расчетный показатель бедности по абсолютной границе, используемый Росстатом, отражает скорее границу крайней нищеты, нежели долю населения с низкими доходами, которая должна быть основной мишенью социальной защиты. Переориентация политики на преодоление относительной бедности будет способствовать и сокращению уровня социально-экономического неравенства через канал бюджетных расходов.

Для дополнительной верификации этого вывода был рассчитан показатель адекватности регионального прожиточного минимума — коэффициент соотношения среднедушевых доходов и прожиточного минимума (табл. 3). Наивысшие значения данного коэффициента наблюдаются в субъектах РФ с наибольшим уровнем доходов и наименьшим уровнем официальной бедности. Полученные данные свидетельствуют о методологической неадекватности абсолютной границы бедности в высокодоходных регионах и наличии феномена скрытой бедности, сконцентрированной среди населения с доходами, незначительно превышающими установленный порог.

Яркой иллюстрацией проблемы является ситуация в Москве, где доля бедного населения по абсолютной методике в 2023 г. составила 4,4%, в то время как по показателю относительной бедности — 19,1%. Таким образом, формальное сокращение уровня бедности в условиях быстрого роста номинальных доходов и инфляции следует интерпретировать не как позитивный результат социально-экономической политики, а как следствие методологического дефекта, приводящего к снижению реального уровня социальной защиты.

Значительная часть населения, чьи доходы незначительно превышают абсолютную границу бедности, не получает адресную социальную помощь

Таблица 1 / Table 1

Динамика показателей бедности, социально-экономического неравенства и объёмов финансирования мер социальной защиты из всех видов источников за период 2022–2023 гг. / Dynamics of poverty indicators, socio-economic inequality, and funding volumes for social support measures from all sources in 2022–2023

№	Наименование субъекта РФ	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по субъектам Российской Федерации			Ранг субъекта РФ по уровню доходного Джини		Уровень бедности в процентах от общей численности населения			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Альтернативная бедность: % населения с денежными доходами ниже границы 50% медианного среднедушевого дохода			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Общий объем обязательств по финансированию мер социальной защиты, (в реальных ценах 2023, тыс руб./чел.)		
		2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL
		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
1	Республика Крым	0,326	0,332	—	4	1	14,2	13,8	—	70	70	12,0	12,4	—	4	1	227,5	295,6	—
2	город Севастополь	0,324	0,333	—	2	2	9,3	8,9	—	22	25	11,8	12,5	—	2	2	102,5	109,3	—
3	Карачаево-Черкесская Республика	0,324	0,335	—	2	3	21,5	20,6	—	82	82	11,8	12,7	—	3	3	154,5	162,7	—
4	Республика Ингушетия	0,34	0,34	—	11	4	26,8	27,7	—	84	84	13,1	13,0	—	12	5	42,2	91,3	—
5	Владимирская область	0,335	0,343	—	7	5	9,8	9,3	—	27	29	12,7	13,3	—	8	6	100,4	106,8	—
6	Еврейская автономная область	0,329	0,343	—	5	5	18,3	17	—	79	78	12,2	13,3	—	6	8	99,6	110,4	—
7	Республика Калмыкия	0,315	0,343	—	1	5	20,6	17,8	—	81	81	11,1	13,3	—	1	7	100,0	103,7	—
8	Республика Хакасия	0,333	0,345	—	6	8	16,9	15,8	—	76	76	12,5	13,5	—	7	9	36,6	93,2	—
9	Ставропольский край	0,342	0,346	—	12	9	11,2	11	—	50	52	13,3	13,5	—	13	10	116,6	121,6	—
10	Калужская область	0,338	0,347	—	9	10	7,5	7,1	—	14	13	12,9	13,6	—	10	11	93,8	105,1	—
11	Тверская область	0,335	0,349	—	7	11	9,3	8,6	—	22	21	12,7	13,7	—	9	12	12,7	14,1	—
12	Волгоградская область	0,346	0,352	—	16	12	9,4	9,1	—	24	28	13,6	14,0	—	20	13	26,4	19,0	—
13	Удмуртская Республика	0,339	0,352	—	10	12	9,4	8,7	—	24	22	13,0	14,0	—	11	14	98,8	104,5	—
14	Ленинградская область	0,345	0,353	—	15	14	7	6,4	—	10	8	13,4	14,0	—	16	15	100,9	107,5	—
15	Калининградская область	0,343	0,354	—	13	15	10,8	10,2	—	43	43	13,3	14,2	—	14	17	102,6	110,7	—
16	Республика Марий Эл	0,346	0,354	—	16	15	15,4	14,3	—	73	74	13,5	14,2	—	17	16	77,6	87,3	—
17	Кировская область	0,351	0,355	—	27	17	10,6	10,4	—	38	47	13,9	14,2	—	28	18	87,1	90,1	—
18	Новгородская область	0,344	0,356	—	14	18	11,6	10,8	—	52	51	13,4	14,3	—	15	19	71,2	95,4	—
19	Мурманская область	0,346	0,358	—	16	19	7	6,5	—	10	9	13,5	14,4	—	18	21	206,3	154,8	—
20	Ульяновская область	0,348	0,358	—	21	19	12,4	11,7	—	60	59	13,7	14,4	—	22	20	84,7	95,8	—
21	Астраханская область	0,352	0,359	—	28	21	12,5	12	—	61	61	14,0	14,5	—	29	22	97,1	106,2	—
22	Вологодская область	0,346	0,359	—	16	21	10,5	9,7	—	37	36	13,5	14,5	—	19	23	116,2	121,3	—
23	Челябинская область	0,349	0,36	—	23	23	10,6	10	—	38	41	13,8	14,6	—	26	24	138,0	147,5	—
24	Костромская область	0,347	0,361	—	20	24	9,5	8,7	—	26	22	13,6	14,6	—	21	25	38,0	90,6	—
25	Томская область	0,356	0,361	—	33	24	11,6	11,1	—	52	54	14,3	14,7	—	35	26	109,5	118,3	—
26	Тульская область	0,349	0,362	—	23	26	9,1	8,4	—	20	20	13,8	14,7	—	24	27	69,5	113,1	—
27	Республика Карелия	0,35	0,364	—	26	27	11,1	10,2	—	48	43	13,9	14,9	—	27	28	105,2	109,7	—
28	Ивановская область	0,355	0,365	—	30	28	10,2	9,5	—	31	31	14,2	15,0	—	32	30	112,1	312,7	—
29	Кемеровская область	0,349	0,365	—	23	28	10,8	9,8	—	43	37	13,8	14,9	—	24	29	114,4	122,8	—
30	Тамбовская область	0,356	0,366	—	33	30	10,3	9,8	—	34	37	14,3	15,1	—	34	33	130,7	143,2	—
31	Хабаровский край	0,361	0,366	—	38	30	9,8	9	—	27	26	14,7	15,1	—	39	32	87,4	193,4	—
32	Чувашская Республика - Чувашия	0,348	0,366	—	21	30	13,9	12	—	66	61	13,7	15,0	—	23	31	168,9	208,1	—
33	Республика Мордовия	0,357	0,367	—	35	33	14,1	13,2	—	69	67	14,3	15,1	—	36	35	95,2	100,9	—
34	Рязанская область	0,362	0,367	—	39	33	10,9	10,5	—	45	48	14,7	15,1	—	40	34	40,4	109,9	—
35	Пензенская область	0,355	0,368	—	30	35	10,7	9,9	—	42	40	14,2	15,2	—	33	37	93,2	99,9	—
36	Республика Северная Осетия	0,355	0,368	—	30	35	12,3	11,4	—	57	58	14,2	15,1	—	31	36	43,2	101,8	—
37	Курганская область	0,354	0,369	—	29	37	15,5	13,8	—	74	70	14,1	15,3	—	30	39	104,2	106,8	—
38	Саратовская область	0,363	0,369	—	40	37	12,9	12,3	—	63	64	14,8	15,3	—	41	38	73,5	114,0	—
39	Курская область	0,364	0,37	—	43	39	7,7	7,4	—	16	15	14,9	15,3	—	44	40	95,2	97,6	—
40	Брянская область	0,368	0,371	—	47	40	11,4	11,2	—	51	56	15,2	15,4	—	50	42	101,5	106,9	—

Окончание таблицы 1 / Table 1 (continued)

№	Наименование субъекта РФ	Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) по субъектам Российской Федерации			Ранг субъекта РФ по уровню доходного Джини		Уровень бедности в процентах от общей численности населения			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Альтернативная бедность: % населения с денежными доходами ниже границы 50% медианного среднедушевого дохода			Ранг субъекта РФ по уровню бедности		Общий объем обязательств по финансированию мер социальной защиты, (в реальных ценах 2023, тыс руб./чел.)		
		2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023	2022	2023	SL
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
41	Псковская область	0,358	0,371	—	36	40	13,1	12,1	—	64	63	14,5	15,4	—	37	41	98,5	106,1	—
42	Московская область	0,36	0,372	—	37	42	6	5,5	—	5	5	14,6	15,4	—	38	43	93,7	101,1	—
43	Забайкальский край	0,366	0,373	—	45	43	15,8	15,4	—	75	75	15,1	15,5	—	47	44	73,6	76,1	—
44	Иркутская область	0,364	0,374	—	43	44	13,9	13,2	—	66	67	14,9	15,6	—	45	46	48,1	104,3	—
45	Республика Бурятия	0,368	0,374	—	47	44	17,7	17,3	—	77	79	15,2	15,6	—	49	45	112,8	134,6	—
46	Самарская область	0,369	0,376	—	50	46	10,6	10,2	—	38	43	15,2	15,8	—	51	47	118,9	119,8	—
47	Ярославская область	0,363	0,376	—	40	46	8,1	7,4	—	17	15	14,8	15,8	—	43	48	78,7	90,1	—
48	Оренбургская область	0,368	0,377	—	47	48	11,6	11	—	52	52	15,2	15,8	—	48	49	91,2	103,4	—
49	Алтайский край	0,371	0,378	—	52	49	13,8	13,3	—	65	69	15,4	15,9	—	53	50	90,6	95,4	—
50	Белгородская область	0,37	0,379	—	51	50	6	5,6	—	5	6	15,3	16,0	—	52	53	164,9	172,7	—
51	Липецкая область	0,372	0,379	—	53	50	7	6,7	—	10	11	15,5	15,9	—	55	52	149,2	162,8	—
52	Приморский край	0,376	0,379	—	58	50	10,3	10	—	34	41	15,8	15,9	—	59	51	93,6	98,3	—
53	Республика Алтай	0,363	0,38	—	40	53	18	16,2	—	78	77	14,8	16,0	—	42	54	89,5	97,2	—
54	Кабардино-Балкарская Республика	0,373	0,382	—	56	54	14,8	14,2	—	71	73	15,5	16,1	—	57	55	88,8	95,3	—
55	Республика Башкортостан	0,377	0,384	—	59	55	10	9,5	—	29	31	15,8	16,3	—	60	56	90,4	94,8	—
56	Омская область	0,378	0,386	—	60	56	11,1	10,6	—	48	49	15,9	16,5	—	61	57	51,0	101,1	—
57	Архангельская область	0,381	0,387	—	63	57	10	9	—	29	26	16,1	16,5	—	64	59	81,9	116,1	—
58	Республика Дагестан	0,387	0,387	—	67	57	12,7	12,8	—	62	66	16,5	16,5	—	69	58	97,7	102,5	—
59	Орловская область	0,366	0,388	—	45	59	10,9	9,5	—	45	31	15,0	16,6	—	46	61	84,8	141,1	—
60	Республика Коми	0,382	0,388	—	64	59	11,7	11,2	—	55	56	16,2	16,6	—	65	62	41,6	91,6	—
61	Республика Тыва	0,372	0,388	—	53	59	25,9	23,5	—	83	83	15,4	16,6	—	54	60	40,8	102,2	—
62	Республика Татарстан	0,378	0,39	—	60	62	5	4,6	—	3	3	15,9	16,7	—	62	63	94,6	101,4	—
63	Камчатский край	0,387	0,391	—	67	63	10,9	10,2	—	45	43	16,5	16,8	—	68	64	102,3	102,9	—
64	Пермский край	0,379	0,391	—	62	63	10,6	9,8	—	38	37	16,0	16,8	—	63	66	76,1	143,6	—
65	Чеченская Республика	0,374	0,391	—	57	63	19,1	17,4	—	80	80	15,6	16,8	—	58	64	102,1	109,1	—
66	Новосибирская область	0,383	0,392	—	65	66	10,2	9,4	—	31	30	16,3	16,9	—	66	67	73,1	101,1	—
67	Смоленская область	0,372	0,393	—	53	67	12,3	10,7	—	57	50	15,5	17,0	—	56	68	79,4	86,8	—
68	Воронежская область	0,39	0,396	—	70	68	6,9	6,7	—	9	11	16,8	17,1	—	71	69	94,4	99,5	—
69	Красноярский край	0,383	0,398	—	65	69	14	12,7	—	68	65	16,3	17,3	—	67	70	95,1	100,5	—
70	Ростовская область	0,389	0,398	—	69	69	10,2	9,6	—	31	35	16,7	17,3	—	70	70	99,8	107,6	—
71	Нижегородская область	0,393	0,401	—	71	71	7,5	7,2	—	14	14	16,9	17,5	—	72	72	109,7	115,9	—
72	Амурская область	0,401	0,403	—	75	72	11,9	11,8	—	56	60	17,5	17,6	—	77	73	108,8	124,8	—
73	Город Санкт-Петербург	0,401	0,407	—	75	74	4,6	4,4	—	1	1	17,5	17,9	—	76	75	38,8	103,1	—
74	Свердловская область	0,398	0,407	—	73	74	8,1	7,6	—	17	17	17,3	17,9	—	75	76	103,8	107,4	—
75	Магаданская область	0,409	0,412	—	80	76	6,7	6,5	—	8	9	18,0	18,2	—	81	78	61,3	134,4	—
76	Республика Адыгея	0,397	0,412	—	72	76	12,3	11,1	—	57	54	17,2	18,2	—	73	77	45,7	105,8	—
77	Краснодарский край	0,406	0,414	—	77	78	9,2	8,7	—	21	22	17,8	18,3	—	78	80	57,1	130,5	—
78	Сахалинская область	0,408	0,414	—	79	78	6,3	6	—	7	7	17,9	18,3	—	80	79	94,8	107,8	—
79	Республики Саха (Якутия)	0,406	0,417	—	77	80	15,2	14	—	72	72	17,8	18,5	—	79	81	167,7	196,4	—
80	Город Москва	0,416	0,426	—	81	81	4,8	4,4	—	2	1	18,5	19,1	—	82	82	40,6	112,9	—
81	Тюменская область	0,431	0,442	—	82	82	10,3	9,5	—	34	31	19,4	20,1	—	83	84	39,2	43,5	—
82	Чукотский автономный округ	0,438	0,442	—	83	82	5,2	4,6	—	4	3	19,9	20,1	—	84	83	70,4	67,1	—
83	Российская Федерация	0,398	0,405	—	73	73	9	8,3	—	19	19	17,3	17,8	—	74	74	111,8	115,1	—

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

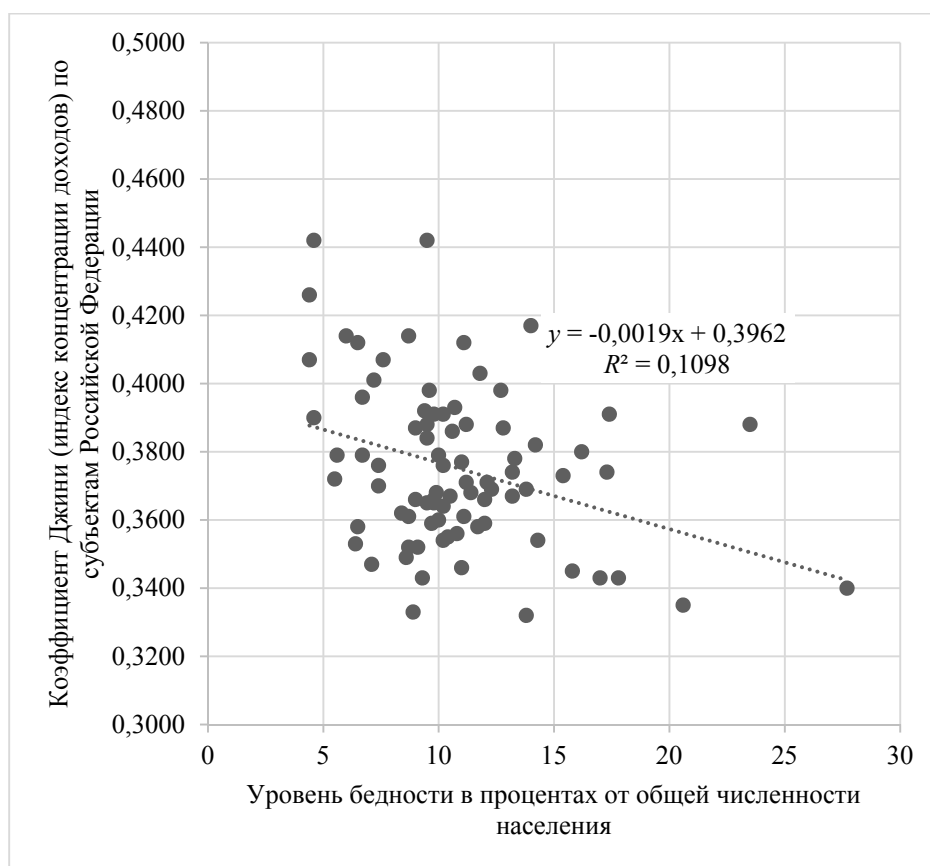

Рис. 1 / Fig. 1. Зависимость доходного неравенства по индексу Джини от абсолютного уровня бедности в субъектах России, 2023 г. / Dependence of income inequality by the Gini index on the absolute poverty level in the subjects of Russia, 2023

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

в рамках действующей ФИМСО. Это формирует институциональную ловушку бедности, провоцируя иждивенческие настроения и снижая эффективность инструментов социальной адаптации. По данным Счетной палаты РФ, эффективность социального контракта не превышает 25%. Сложившаяся ситуация, отрицательно влияющая на коэффициент замещения утраченного заработка, негативно сказывается и на устойчивости пенсионной системы.

Действующая конфигурация ФИМСО не способствует преодолению внутрирегионального доходного неравенства, будучи ориентированной на выравнивание минимальных доходов в целом по стране. Политика межбюджетного выравнивания приводит к тому, что низкодоходные граждане в богатых регионах получают относительно меньший объем поддержки по сравнению с аналогичными группами в депрессивных регионах.

В таких субъектах, как Москва и Санкт-Петербург, с заниженной абсолютной границей бедности, значительная доля граждан с доходами выше прожиточного минимума не проходит проверку нуждемости, несмотря на высокую стоимость жизни.

Действующая прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц приводит к тому, что более высокому уровню доходного неравенства в регионе соответствуют большие объемы поступлений НДФЛ по повышенной ставке в федеральный бюджет (рис. 2). Это создает системный парадокс, когда финансовые ресурсы, мобилизуемые с граждан высокодоходного региона, включая тех, кто находится в зоне скрытой бедности, перераспределяются в пользу других территорий.

Анализ нагрузки на бюджетную систему от финансирования ФИМСО в расчете на душу населения показывает, что в среднем по России объемы

поступлений от НДФЛ и страховых взносов на обязательное социальное страхование и обязательств по социальной защите примерно равны. Однако на региональном уровне наблюдается значительная вариация. Примерно в 77% субъектов РФ подушевая нагрузка по финансированию социального обеспечения превышает объем подушевых поступлений.

Нагрузка на региональные бюджеты от социальных обязательств усугубляется текущей конфигурацией налоговых инструментов. В частности, налоговые механизмы влияния на развитие рынка финансовых услуг могут способствовать росту доходной базы регионов, но в условиях высокой концентрации финансовых потоков в федеральном центре их эффект на локальные ФИМСО ограничен [15]. Кроме того, проблемы фиксации расчётов и уклонения от налогообложения в розничной торговле снижают потенциальные поступления в бюджеты субъектов, что напрямую сказывается на финансировании мер социальной защиты и усиливает региональную дифференциацию [16;17].

Анализ также выявил, что большему объему обязательств по социальной поддержке на душу населения соответствует меньшая доля финансирования из федерального бюджета (рис. 3). Это свидетельствует о том, что регионы с развитой экономикой и высокими доходами в большей степени самостоятельно финансируют социальные обязательства.

Снижение эффективности российской ФИМСО в 2022–2024 гг. обусловлено комплексом макроэкономических шоков. Изменение приоритетов бюджетных расходов, выразившееся в их перераспределении в пользу оборонного сектора, привело к относительному сокращению финансирования социальной сферы. Мощный фискальный импульс 2022–2024 гг., структурные изменения на рынке труда, рост денежной массы и интеграция новых территорий с более высокой демографической нагрузкой создали комплекс вызовов для системы социального обеспечения (рис. 4).

На момент проведения исследования наблюдается выраженное снижение эффективности российской ФИМСО по широкому спектру показателей. Сравнительный анализ показывает, что ряд стран НАТО, столкнувшись с необходимостью перераспределения бюджетных расходов, также вынуждены реформировать свои системы соци-

Таблица 2 / Table 2

Уровень бедности населения по показателю 50% медианы среднедушевого дохода в некоторых странах ОЭСР, а также России, за период 2019–2021 гг. / Poverty rate of the population based on the 50% of median per capita income indicator in some OECD countries, as well as Russia, for the period 2019–2021

№	Страна	2019	2020	2021
1	Чешская Республика	5,6	5,3	6,4
2	Финляндия	6,4	5,7	6,7
3	Словения	7,4	7,0	7,7
4	Канада	8,1	7,3	7,8
5	Франция	н/д	7,7	8,5
6	Ирландия	8,1	7,7	9,7
7	Нидерланды	8,0	8,2	8,5
8	Норвегия	8,4	8,4	7,9
9	Чили	11,5	8,6	10,5
10	Венгрия	9,2	8,7	6,7
11	Швеция	9,1	8,8	9,2
12	Польша	9,4	9,1	8,8
13	Словацкая Республика	7,8	9,4	7,9
14	Бельгия	10,0	9,6	9,8
15	Люксембург	10,5	9,8	9,6
16	Великобритания	12,4	11,2	11,7
17	Германия	10,9	11,6	н/д
18	Португалия	10,6	12,8	9,9
19	Греция	11,5	13,0	11,7
20	Италия	13,6	13,5	12,8
21	Литва	15,4	14,1	13,6
22	Корея	16,3	15,3	15,1
23	Испания	14,7	15,4	14,4
24	Эстония	14,9	15,8	16,5
25	Соединенные Штаты Америки	18,0	16,4	15,1
26	Латвия	16,2	16,9	16,0
27	Израиль	17,3	16,9	н/д
28	Российская Федерация	18,2	17,8	18,0
29	Коста-Рика	19,9	20,5	20,3
30	Минимум	5,6	5,3	6,4
31	Медиана	10,8	9,8	9,8
32	Среднее	11,8	11,5	11,1
33	Максимум	19,9	20,5	20,3

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

Таблица 3 / Table 3

Расчетные значения «адекватности» и уровня дифференциации показателя регионального прожиточного минимума в России / Calculated values of “adequacy” and the level of differentiation of the regional subsistence minimum indicator in Russia

№	Субъект	Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц		Региональный прожиточный минимум, тыс. руб.		Денежные доходы в расчете на душу населения, рублей в месяц в реальных ценах 2023 / ПМ			Ранг субъекта РФ по столбцам 6 и 7	
		2022	2023	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Алтайский край	32,9	36,4	11,8	12,8	2,78	2,85	■	54	55
2	Амурская область	49,8	54,1	15,4	17,0	3,23	3,17	■	20	29
3	Архангельская область	52,1	59,0	19,8	21,7	2,62	2,71	■	63	65
4	Астраханская область	33,1	36,6	12,9	13,9	2,57	2,62	■	65	66
5	Белгородская область	41,9	47,3	11,2	12,1	3,75	3,91	■	9	8
6	Брянская область	37,4	40,9	12,5	13,6	2,99	3,02	■	34	42
7	Владимирская область	34,7	38,6	12,9	13,9	2,69	2,77	■	57	59
8	Волгоградская область	32,7	35,6	11,4	12,4	2,86	2,88	■	45	53
9	Вологодская область	37,2	42,7	13,4	14,5	2,77	2,94	■	55	49
10	Воронежская область	41,2	45,1	11,3	12,4	3,64	3,65	■	13	14
11	Город Санкт-Петербург	65,4	72,0	13,8	15,1	4,73	4,77	■	2	2
12	Еврейская автономная область	37,8	43,5	17,9	19,4	2,11	2,24	■	78	78
13	Забайкальский край	38,6	42,8	15,5	16,8	2,48	2,54	■	68	71
14	Ивановская область	36,5	41,1	12,2	13,4	2,99	3,07	■	35	36
15	Иркутская область	37,5	42,5	14,1	15,2	2,66	2,79	■	61	58
16	Кабардино-Балкарская Республика	34,8	38,9	14,2	15,4	2,44	2,53	■	69	72
17	Калининградская область	38,3	43,5	13,7	14,8	2,80	2,94	■	52	50
18	Калужская область	39,4	44,6	12,8	13,8	3,09	3,23	■	29	24
19	Камчатский край	77,5	87,1	24,1	26,4	3,22	3,30	■	21	21
20	Карачаево-Черкесская Республика	23,0	25,6	12,1	13,2	1,91	1,94	■	80	81
21	Кемеровская область	34,0	39,4	12,1	13,1	2,81	3,01	■	51	44
22	Кировская область	35,2	38,3	11,8	12,8	2,97	2,99	■	37	45
23	Костромская область	37,3	43,7	12,3	13,3	3,04	3,29	■	33	22
24	Краснодарский край	48,7	54,6	12,8	13,8	3,82	3,96	■	8	7
25	Красноярский край	43,2	50,4	14,7	16,0	2,93	3,16	■	40	32
26	Курганская область	29,8	34,8	12,5	13,5	2,39	2,58	■	73	69
27	Курская область	39,4	43,7	11,6	12,5	3,41	3,50	■	15	15
28	Ленинградская область	40,8	46,0	13,4	14,8	3,04	3,11	■	32	34
29	Липецкая область	41,2	45,5	11,0	11,9	3,73	3,81	■	10	9
30	Магаданская область	102,0	111,2	23,1	25,0	4,41	4,44	■	4	4
31	Московская область	55,7	64,9	15,5	17,3	3,60	3,75	■	14	12
32	Мурманская область	65,7	75,8	21,2	23,5	3,09	3,23	■	28	25
33	Нижегородская область	45,6	50,6	12,5	13,5	3,65	3,74	■	12	13
34	Новгородская область	34,2	38,9	13,0	14,1	2,63	2,76	■	62	61
35	Новосибирская область	44,4	49,9	13,4	14,7	3,31	3,39	■	17	19
36	Омская область	36,9	40,8	11,9	13,2	3,11	3,09	■	27	35
37	Оренбургская область	33,0	36,8	11,6	12,5	2,85	2,94	■	47	51
38	Орловская область	35,9	43,7	12,4	13,4	2,91	3,27	■	41	23
39	Пензенская область	32,1	36,4	11,2	12,1	2,87	3,02	■	43	43
40	Пермский край	39,8	45,6	12,2	13,2	3,25	3,45	■	19	18

Окончание таблицы 3 / Table 3 (continued)

№	Субъект	Денежные доходы в расчете на душу населения, тыс. руб. в месяц		Региональный прожиточный минимум, тыс. руб.		Денежные доходы в расчете на душу населения, рублей в месяц в реальных ценах 2023 / ПИМ			Ранг субъекта РФ по столбцам 6 и 7	
		2022	2023	2022	2023	2022	2023	SL	2022	2023
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
41	Приморский край	49,9	54,5	15,8	17,1	3,16	3,19	■	23	27
42	Псковская область	35,0	39,9	13,2	14,2	2,66	2,80	■	60	56
43	Республика Адыгея	36,6	42,7	11,4	12,4	3,21	3,45	■	22	17
44	Республика Алтай	29,6	34,8	12,5	13,5	2,37	2,58	■	74	68
45	Республика Башкортостан	36,5	40,0	11,6	12,7	3,15	3,16	■	24	30
46	Республика Бурятия	35,2	38,4	14,5	15,7	2,43	2,45	■	71	75
47	Республика Дагестан	37,6	39,7	12,1	13,1	3,11	3,03	■	26	40
48	Республика Ингушетия	23,0	24,4	12,5	13,5	1,85	1,81	■	81	82
49	Республика Калмыкия	23,8	28,6	12,4	13,7	1,92	2,10	■	79	79
50	Республика Карелия	46,0	53,1	15,9	17,9	2,90	2,97	■	42	47
51	Республика Коми	50,8	56,2	16,1	17,5	3,15	3,22	■	25	26
52	Республика Крым	29,8	32,9	12,9	13,9	2,31	2,36	■	76	77
53	Республика Марий Эл	27,3	31,0	11,7	12,7	2,33	2,45	■	75	74
54	Республика Мордовия	27,4	30,6	11,3	12,2	2,43	2,51	■	70	73
55	Республика Северная Осетия — Алания	30,8	35,3	12,0	12,9	2,57	2,73	■	64	64
56	Республика Татарстан	45,9	52,5	11,3	12,2	4,07	4,30	■	6	6
57	Республика Тыва	24,5	28,9	13,4	14,5	1,82	1,99	■	82	80
58	Республика Хакасия	31,1	35,0	13,6	14,7	2,29	2,39	■	77	76
59	Республики Саха (Якутия)	59,0	69,0	20,1	21,7	2,94	3,18	■	39	28
60	Ростовская область	41,4	46,8	12,5	13,5	3,31	3,47	■	16	16
61	Рязанская область	36,4	39,9	11,8	12,8	3,08	3,12	■	30	33
62	Самарская область	38,4	42,7	12,5	13,5	3,08	3,16	■	31	31
63	Саратовская область	30,3	33,3	11,2	12,1	2,71	2,76	■	56	60
64	Сахалинская область	79,3	87,9	18,1	19,6	4,39	4,50	■	5	3
65	Свердловская область	47,1	53,4	12,9	14,1	3,66	3,79	■	11	10
66	Смоленская область	35,7	42,7	12,8	13,9	2,80	3,06	■	53	38
67	Ставропольский край	30,1	32,9	12,0	12,9	2,52	2,55	■	67	70
68	Тамбовская область	34,8	39,2	11,7	12,8	2,98	3,07	■	36	37
69	Тверская область	36,3	41,3	12,8	13,9	2,84	2,96	■	48	48
70	Томская область	38,0	41,6	13,4	14,5	2,84	2,88	■	49	54
71	Тульская область	37,1	42,4	13,0	14,2	2,85	2,98	■	46	46
72	Тюменская область	62,2	69,3	15,6	18,3	3,98	3,79	■	7	11
73	Удмуртская Республика	33,8	38,9	11,8	12,8	2,86	3,04	■	44	39
74	Ульяновская область	31,7	35,8	11,8	12,8	2,68	2,80	■	59	57
75	Хабаровский край	52,7	58,1	17,7	19,2	2,97	3,03	■	38	41
76	Челябинская область	35,3	39,7	12,5	13,7	2,83	2,89	■	50	52
77	Чеченская Республика	30,8	35,9	12,8	13,8	2,41	2,60	■	72	67
78	Чувашская Республика (Чувашия)	28,7	34,1	11,3	12,4	2,54	2,76	■	66	62
79	Чукотский автономный округ	138,2	157,0	30,3	35,9	4,56	4,37	■	3	5
80	Ярославская область	40,7	46,7	12,5	13,8	3,26	3,38	■	18	20
81	Город Москва	102,0	117,1	19,6	21,7	5,19	5,39	■	1	1
82	Город Севастополь	35,7	40,0	13,3	14,5	2,69	2,75	■	58	63
83	Российская Федерация	47,4	53,6	13,3	14,4	3,57	3,73	■		
84	Минимум	23,0	24,4	11,0	11,9	1,82	1,81	■	—	
85	Медиана	37,2	42,4	12,8	13,8	2,90	3,02	■		
86	Среднее	42,1	47,5	13,8	15,1	3,00	3,10	■		
87	Максимум	138,2	157,0	30,3	35,9	5,19	5,39	■		
88	Максимум / Минимум	6,00	6,43	2,75	3,01	2,85	2,98	■		

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

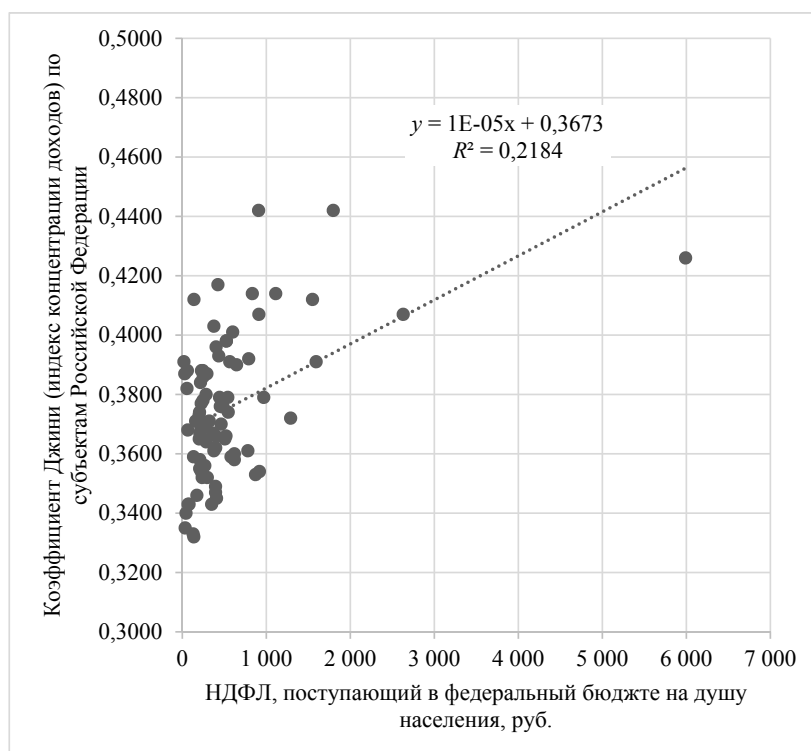

Рис. 2 / Fig. 2. Зависимость доходного коэффициента Джини от уровня поступлений в федеральный бюджет в расчете на душу населения региона, 2023 г. / Dependence of the Gini income coefficient on the level of federal budget revenues per capita of the region, 2023

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

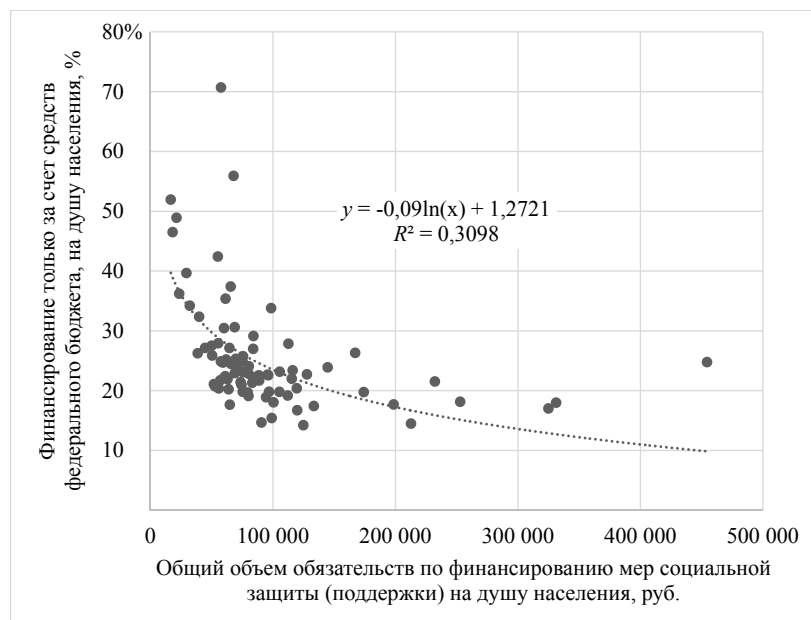

Рис. 3 / Fig. 3. Доля финансирования регионального ФИМСО из средств федерального бюджета в зависимости от общего объема финансирования мер социальной поддержки / Share of financing of the regional FIMSO from the federal budget depending on the total volume of financing of social support measures

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled the author based on the research materials.

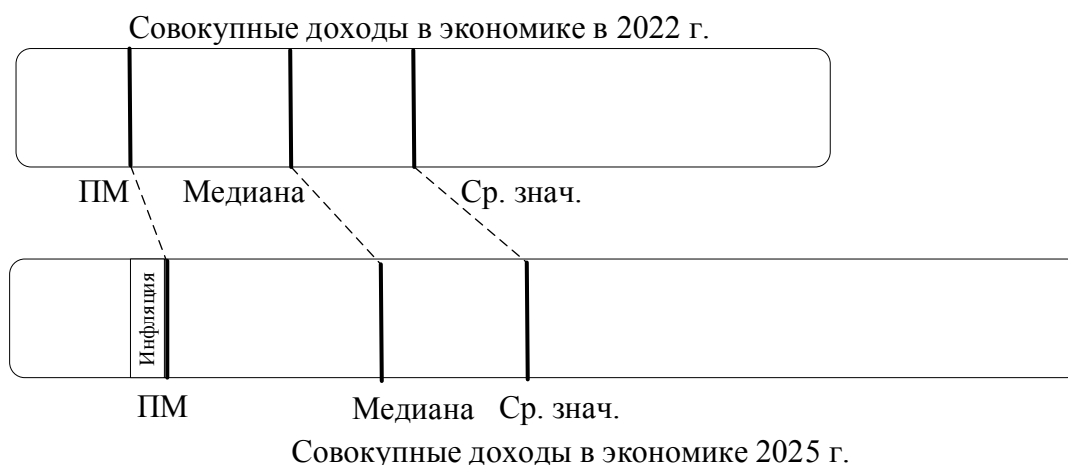

Рис. 4 / Fig. 4. Иллюстрация принципа автоматической стабилизации российской ФИМСО к макроэкономическим шокам: изменение ПМ, медианы и среднедушевого дохода / Illustration of the principle of automatic stabilization of the Russian FIMSO to macroeconomic shocks: changes in the subsistence minimum, median, and per capita income

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the based on the research materials.

альной поддержки в сторону большей адресности. Основным риском для российской ФИМСО является дальнейшая эскалация геополитической напряженности, способная привести к консервации выявленных негативных тенденций.

КОЭФФИЦИЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИМСО НА ОСНОВЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Расчет коэффициентов эффективности региональных ФИМСО по формулам 1 и 2 за 2022–2023 гг. представлен в табл. 4. Согласно расчетам, наиболее эффективными являются регионы России, которые тратят наименьший объем финансовых ресурсов на сокращение уровня бедности на 1%. Анализ описательной статистики показывает, что эффективность ФИМСО в значительной части субъектов РФ ниже среднероссийского уровня.

Установлено, что ориентация системы на абсолютную границу бедности искажает оценку нуждаемости в условиях макроэкономических шоков. Полученные результаты обуславливают необходимость совершенствования методологии измерения бедности и корректировки механизмов индексации социальной поддержки. В условиях макроэкономической нестабильности ФИМСО в её текущем виде не позволяет эффективно сдерживать рост социально-экономического неравенства.

Более комплексная оценка и мониторинг эффективности ФИМСО возможны при наличии соответствующих данных. В настоящее время возможно только обозначить желаемые контуры раскрытия информации для разработки соответствующей методологии и проведения расчетов.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование выявило системное противоречие в функционировании региональных финансово-инвестиционных моделей государственного и негосударственного социального обеспечения (ФИМСО) Российской Федерации в период 2022–2023 гг. Формальное снижение уровня абсолютной бедности сопровождается устойчивым ростом доходного неравенства, измеряемого индексом Джини. Эмпирический анализ на основе данных Росстата и ЕГИССО подтверждает, что существующая методология определения бедности на основе абсолютной границы может не отражать реального масштаба социально-экономической уязвимости населения, особенно в регионах России с высоким уровнем номинальных доходов и инфляции. В этих условиях значительная доля домохозяйств, имеющих доходы незначительно выше прожиточного минимума, остаётся вне зоны охвата адресной социальной поддержки, что формирует феномен «скрытой бедности».

Таблица 4 / Table 4

Результаты оценки эффективности региональных ФИМСО / Results of evaluating the effectiveness of regional FIMSO

№	Наименование субъекта РФ	K1 по бедности на основании потребности населения на 1% бедного населения		K1 по бедности на основании 50% медианы среднедушевого дохода, на 1% бедного населения		Прирост общего объема обязательств по финансированию мер социальной защиты (поддержки), в реальных ценах 2023	Прирост объемов реального подушевого финансирования, %	Прирост уровня бедности по ПМ, пп	K2 (Эффективность ФИМСО или цена снижения уровня бедности на 1%)		K2 в региональных ПМ		Прирост коэффициента Джини	Прирост коэффициента Фондов	Прирост уровня бедности по 50% медианы среднедушевого дохода, пп
		тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг	тыс. руб./ чел.	%	пп	тыс. руб.	ранг	руб/руб	ранг	ед	ед	пп
1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Саратовская область	2,711	14	2,183	8	0,65	0,6%	-0,6	1,08	1	0,09	1	0,006	0,60	0,50
2	Республика Калмыкия	1,609	4	2,147	6	4,76	5,2%	-2,8	1,70	2	0,12	2	0,028	1,70	2,24
3	Республика Бурятия	2,220	9	2,467	21	0,92	0,8%	-0,4	2,30	4	0,15	3	0,006	0,50	0,40
4	Республика Адыгея	3,845	33	2,346	15	2,50	3,4%	-1,2	2,09	3	0,17	4	0,015	1,60	1,01
5	Пензенская область	3,680	29	2,401	17	2,40	2,5%	-0,8	3,00	5	0,25	5	0,013	0,90	0,93
6	Республика Хакасия	2,215	8	2,599	28	4,79	4,9%	-1,1	4,36	7	0,30	6	0,012	0,80	0,96
7	Калининградская область	4,269	44	3,073	63	2,98	3,4%	-0,6	4,96	10	0,34	8	0,011	0,80	0,85
8	Оренбургская область	3,341	26	2,319	13	2,56	2,5%	-0,6	4,27	6	0,34	9	0,009	0,80	0,69
9	Архангельская область	6,552	67	3,567	73	8,25	5,3%	-1	8,25	22	0,38	10	0,006	0,60	0,42
10	Республика Северная Осетия - Алания	3,094	22	2,329	14	4,45	4,9%	-0,9	4,94	9	0,38	11	0,013	1,00	0,96
11	Ульяновская область	3,058	21	2,484	23	3,64	3,5%	-0,7	5,20	11	0,41	12	0,01	0,60	0,72
12	Красноярский край	3,967	36	2,917	52	8,80	8,0%	-1,3	6,77	13	0,42	13	0,015	1,40	1,01
13	Вологодская область	4,403	46	2,936	53	5,06	4,3%	-0,8	6,32	12	0,44	14	0,013	1,00	1,00
14	Город Санкт-Петербург	16,372	80	4,029	76	1,40	11,0%	-0,2	7,00	17	0,46	15	0,006	0,70	0,42
15	Республика Карелия	5,203	58	3,560	72	7,80	4,7%	-0,9	8,66	24	0,48	16	0,014	1,10	1,03
16	Город Москва	26,614	82	6,128	82	4,38	11,2%	-0,4	10,96	29	0,50	17	0,01	1,10	0,61
17	Исковская область	3,297	25	2,595	27	7,36	7,9%	-1	7,36	19	0,52	18	0,013	1,00	0,91
18	Пермский край	4,657	51	2,716	39	5,48	5,4%	-0,8	6,85	15	0,52	19	0,012	1,10	0,81
19	Владимирская область	4,156	41	2,906	51	3,71	3,7%	-0,5	7,41	20	0,53	20	0,008	0,50	0,62
20	Республика Марий Эл	2,169	7	2,189	9	7,64	8,5%	-1,1	6,95	16	0,55	21	0,008	0,60	0,64
21	Тверская область	4,799	52	3,003	60	5,37	5,6%	-0,7	7,68	21	0,55	22	0,014	0,90	1,06
22	Чувашская Республика - Чувашия	2,844	18	2,270	10	13,00	13,7%	-1,9	6,84	14	0,55	23	0,018	1,30	1,35
23	Новосибирская область	5,312	59	2,957	54	6,67	7,1%	-0,8	8,33	23	0,57	24	0,009	0,90	0,63
24	Республика Мордовия	2,322	10	2,028	4	6,45	7,3%	-0,9	7,16	18	0,59	25	0,01	0,80	0,76
25	Тульская область	5,045	57	2,882	49	6,21	5,7%	-0,7	8,87	25	0,62	26	0,013	0,80	0,91
26	Кемеровская область	4,021	40	2,640	32	9,10	9,4%	-1	9,10	26	0,70	27	0,016	1,10	1,14
27	Ивановская область	4,327	45	2,742	43	6,59	6,5%	-0,7	9,42	27	0,70	28	0,01	0,80	0,78
28	Иркутская область	3,218	24	2,718	40	8,09	7,9%	-0,7	11,56	30	0,76	29	0,01	0,90	0,75
29	Тамбовская область	4,003	39	2,604	29	5,03	5,3%	-0,5	10,06	28	0,79	30	0,01	0,80	0,78
30	Забайкальский край	2,776	17	2,756	44	5,66	5,7%	-0,4	14,16	35	0,84	31	0,007	0,50	0,45
31	Республика Крым	2,382	11	2,645	34	4,71	5,0%	-0,4	11,78	31	0,84	32	0,006	0,30	0,47
32	Костромская область	5,019	56	2,981	58	9,51	6,9%	-0,8	11,89	32	0,90	33	0,014	1,00	1,07
33	Карачаево-Черкесская Республика	1,244	3	2,021	3	11,11	13,1%	-0,9	12,34	33	0,93	34	0,011	0,60	0,83
34	Республика Тыва	1,231	2	1,746	1	34,19	41,7%	-2,4	14,25	36	0,98	35	0,016	1,40	1,13
35	Свердловская область	7,028	71	2,986	59	7,03	6,9%	-0,5	14,06	34	1,00	36	0,009	1,00	0,61
36	Кабардино-Балкарская Республика	2,743	16	2,412	18	9,69	12,5%	-0,6	16,14	39	1,05	37	0,009	0,80	0,64
37	Томская область	3,748	31	2,833	46	7,78	7,8%	-0,5	15,57	38	1,08	38	0,005	0,40	0,39
38	Тюменская область	7,299	73	3,444	71	16,02	14,7%	-0,8	20,03	44	1,09	39	0,011	1,70	0,72
39	Курская область	5,908	61	2,854	48	4,47	4,2%	-0,3	14,90	37	1,19	40	0,006	0,50	0,46
40	Самарская область	4,186	42	2,710	37	6,73	7,1%	-0,4	16,83	41	1,25	41	0,007	0,60	0,53
41	Смоленская область	3,994	38	2,518	25	27,94	38,2%	-1,6	17,46	42	1,25	42	0,021	1,90	1,50
42	Чукотский автономный округ	34,128	83	7,819	83	28,72	17,1%	-0,6	47,87	56	1,33	43	0,004	0,40	0,21
43	Белгородская область	8,439	74	2,957	55	6,47	6,4%	-0,4	16,17	40	1,34	44	0,009	0,80	0,65
44	Нижегородская область	7,028	70	2,897	50	5,64	5,9%	-0,3	18,81	43	1,39	45	0,008	0,80	0,53
45	Приморский край	5,449	60	3,419	70	7,63	7,7%	-0,3	25,42	45	1,49	46	0,003	0,20	0,19
46	Республика Коми	5,014	55	3,388	69	13,56	9,1%	-0,5	27,12	48	1,55	47	0,006	0,50	0,42
47	Курганская область	2,523	12	2,278	11	43,60	62,8%	-1,7	25,65	47	1,90	48	0,015	1,20	1,15
48	Кировская область	3,680	30	2,694	36	5,09	4,4%	-0,2	25,43	46	1,99	49	0,004	0,20	0,31
49	Республики Саха (Якутия)	4,931	54	3,725	74	56,28	66,4%	-1,2	46,90	55	2,16	50	0,011	1,20	0,69
50	Орловская область	4,603	50	2,639	31	40,49	55,1%	-1,4	28,92	50	2,16	51	0,022	1,80	1,56
51	Республика Алтай	2,149	6	2,170	7	56,21	116,9%	-1,8	31,23	51	2,31	52	0,017	1,50	1,26
52	Липецкая область	6,785	69	2,851	47	8,38	7,3%	-0,3	27,94	49	2,34	53	0,007	0,50	0,48
53	Магаданская область	17,101	81	6,100	81	12,44	9,5%	-0,2	62,19	60	2,49	54	0,003	0,30	0,18
54	Ставропольский край	2,994	19	2,432	19	7,40	9,3%	-0,2	37,02	52	2,86	55	0,004	0,20	0,28

Окончание таблицы 4 / Table 4 (continued)

№	Наименование субъекта РФ	K1 по бедности на основании потребности на 1% бедного населения		K1 по бедности на основании 50% медианы среднедушевого дохода, на 1% бедного населения		Прирост общего объема обязательств по финансированию мер социальной защиты (поддержки), в реальных ценах 2023	Прирост объемов реального подушевого финансирования, %	Прирост уровня бедности по ПМ, пп	K2 (Эффективность ФИМСО или цена снижения уровня бедности на 1%)		K2 в региональных ПМ		Прирост коэффициента Джини	Прирост коэффициента Фондов	Прирост уровня бедности по 50% медианы среднедушевого дохода, пп
		тыс. руб.	ранг	тыс. руб.	ранг				тыс. руб.	ранг	руб./руб	ранг			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
54	Ставропольский край	2,994	19	2,432	19	7,40	9,3%	-0,2	37,02	52	2,86	55	0,004	0,20	0,28
55	Чеченская Республика	2,064	5	2,142	5	73,39	128,5%	-1,7	43,17	53	3,13	56	0,017	1,50	1,15
56	Мурманская область	11,659	77	5,246	80	39,24	23,2%	-0,5	78,48	62	3,34	57	0,012	0,90	0,91
57	Республика Башкортостан	4,213	43	2,449	20	21,80	19,3%	-0,5	43,60	54	3,45	58	0,007	0,60	0,55
58	Брянская область	3,654	28	2,654	35	10,87	10,9%	-0,2	54,33	57	4,01	59	0,003	0,20	0,24
59	Амурская область	4,581	49	3,069	62	6,84	6,7%	-0,1	68,36	61	4,01	60	0,002	0,20	0,12
60	Калужская область	6,277	62	3,277	67	24,25	34,1%	-0,4	60,63	59	4,39	61	0,009	0,60	0,68
61	Воронежская область	6,729	68	2,635	30	11,27	12,0%	-0,2	56,33	58	4,56	62	0,006	0,50	0,36
62	Хабаровский край	6,455	65	3,859	75	73,12	119,3%	-0,8	91,40	65	4,77	63	0,005	0,40	0,37
63	Ростовская область	4,879	53	2,712	38	50,01	120,4%	-0,6	83,36	63	6,17	64	0,009	0,80	0,59
64	Новгородская область	3,602	27	2,729	42	69,59	172,5%	-0,8	86,99	64	6,18	65	0,012	0,80	0,88
65	Астраханская область	3,049	20	2,518	24	49,02	116,0%	-0,5	98,03	67	7,03	66	0,007	0,50	0,53
66	Удмуртская Республика	4,476	47	2,777	45	64,33	165,8%	-0,7	91,90	66	7,18	67	0,013	0,90	1,00
67	Челябинская область	3,970	37	2,727	41	60,08	131,5%	-0,6	100,13	68	7,29	68	0,011	0,70	0,76
68	Ярославская область	6,309	64	2,958	56	72,31	178,3%	-0,7	103,30	69	7,49	69	0,013	1,00	0,96
69	Краснодарский край	6,279	63	2,978	57	52,56	138,2%	-0,5	105,12	70	7,62	70	0,008	0,90	0,52
70	Омская область	3,849	34	2,476	22	58,57	135,5%	-0,5	117,14	71	8,88	71	0,008	0,70	0,59
71	Республика Татарстан	11,418	76	3,139	64	50,13	98,3%	-0,4	125,32	72	10,26	72	0,012	1,10	0,84
72	Алтайский край	2,739	15	2,294	12	68,14	30,0%	-0,5	136,27	73	10,65	73	0,007	0,60	0,47
73	Сахалинская область	14,650	79	4,799	78	67,51	88,7%	-0,3	225,04	77	11,51	74	0,006	0,60	0,38
74	Рязанская область	3,800	32	2,642	33	61,40	150,5%	-0,4	153,51	74	12,00	75	0,005	0,40	0,38
75	Московская область	11,795	78	4,201	77	106,01	121,3%	-0,5	212,01	76	12,27	76	0,012	0,90	0,85
76	Волгоградская область	3,909	35	2,538	26	56,61	154,6%	-0,3	188,69	75	15,26	77	0,006	0,40	0,45
77	Ленинградская область	7,186	72	3,278	68	200,54	178,8%	-0,6	334,23	78	22,57	78	0,008	0,60	0,60
78	Еврейская автономная область	2,558	13	3,258	66	-7,37	-27,9%	-1,3	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,014	1,00	1,14	
79	Камчатский край	8,535	75	5,191	79	-51,50	-25,0%	-0,7	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,004	0,30	0,26	
80	Республика Дагестан	3,100	23	2,401	16	11,37	14,4%	0,1	Рост финансирования и рост бедности (тут вопросы к			неэффективно		-0,01	
81	Республика Ингушетия	0,881	1	1,871	2	12,19	13,4%	0,9	Рост финансирования и рост бедности (тут вопросы к			неэффективно		-0,02	
82	Город Севастополь	4,491	48	3,194	65	-3,28	-4,7%	-0,4	Сократили финансирование, при этом уровень бедности			0,009	0,50	0,69	
83	Российская Федерация	6,455	66	3,017	61	3,27	2,9%	-0,7	4,67	8	0,32	7	0,007	0,80	0,50
84	Минимум	0,881		1,746		-51,501	-0,279	-2,800	1,083		0,090		0,002	0,200	-0,015
85	Медиана	4,186		2,729		8,246	0,085	-0,600	16,154		1,142		0,009	0,800	0,651
86	Сред, знач	5,533		2,988		22,952	0,364	-0,707	44,250		3,016		0,010	0,807	0,703
87	Максимум	34,128		7,819		200,536	1,788	0,900	334,227		22,574		0,028	1,900	2,243

Источник / Source: составлено автором по материалам исследования / compiled by the author based on the research materials.

Примечание / Note: Данные отсортированы по столбцу 12 по степени убывания эффективности. Ранг, равный 1, соответствует наиболее высокой предельной эффективности ФИМСО в части сокращения уровня бедности. Данные о доходном неравенстве представлены справочно. Согласно предлагаемой методике, российская модель ФИМСО на 100% неэффективна в части сокращения уровня доходного неравенства, потому что, как было описано ранее, при росте реальных объемов подушевого финансирования уровень доходного неравенства в анализируемый период увеличился. То же самое можно сказать и про влияние региональных ФИМСО на динамику бедности, если рассчитывать ее через 50% медианы среднедушевого дохода / The data is sorted by column 12 in descending order of effectiveness. A rank of 1 corresponds to the highest marginal effectiveness of FIMSO in terms of poverty reduction. Data on income inequality is provided for reference. According to the proposed methodology, the Russian FIMSS model is 100% ineffective in reducing income inequality because, as described earlier, with the growth in real per capita funding, the level of income inequality increased during the period under review. The same can be said about the impact of regional FIMSS on poverty dynamics, if calculated using 50% of the median per capita income.

Сравнительный анализ с международной практикой, в частности с методологией ОЭСР и Евростата, демонстрирует, что использование относительной границы бедности (50% медианного среднедушевого дохода) обеспечивает более адекватную оценку масштабов неравенства и эффективности перераспределительных механизмов. В Российской Федерации уровень относительной бедности в 2021–2023 гг. превышал средние значения по странам ОЭСР, что свидетельствует о недостаточной прогрессивности действующей системы социальных трансфертов.

Разработанная методика коэффициентной оценки эффективности ФИМСО, основанная на нормировании реальных подушевых расходов на социальную политику на 1% бедного населения и корректировке на величину регионального прожиточного минимума, позволяет выявить не только межрегиональную дифференциацию в эффективности использования бюджетных средств, но и структурные недостатки в дизайне программ социальной поддержки. Установлено, что действующая ФИМСО демонстрирует низкую экономическую и административную эффективность, недостаточный охват уязвимых групп и неадекватность размеров выплат, что подтверждается

низким уровнем снижения бедности при значительных бюджетных затратах.

На основании полученных результатов сделан вывод о необходимости институциональной трансформации российской системы социального обеспечения. В частности, обоснован переход от абсолютного к относительному измерению бедности в качестве методологической основы для формирования и оценки эффективности ФИМСО. Такой подход позволит обеспечить более точное таргетирование социальной помощи, повысить надёжность перераспределительных механизмов и усилить устойчивость системы социальной защиты к макроэкономическим шокам.

Переход к относительной границе бедности и повышению адресности ФИМСО должен сопровождаться корректировкой налоговой политики в направлении большей диверсификации и региональной ориентации, что позволит усилить фискальную поддержку социальных расходов без ущерба для стимулов экономического роста. Это соответствует идеям о роли налоговых преференций в пространственном развитии и преодолении неравенства через финансовые механизмы национальных проектов России.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

ACKNOWLEDGEMENTS

The paper was prepared on the research results carried out at the expense of budgetary funds within the framework of the state research assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние системы социальной поддержки на уровень бедности в регионах. *Уровень жизни населения регионов России*. 2022;18(3):368–377. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.3.8
Grishina E.E., Tsatsura E.A. The impact of the social support system on the poverty level in the regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(3):368–377. (In Russ.). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.3.8
2. Строев П.В. Влияние размещения экономических ресурсов на особенности пространственной организации России. *Экономика региона*. 2023;19(4):949–963. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-2
Stroev P.V. The impact of the allocation of economic resources on the features of the spatial organization of Russia. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2023;19(4):949–963. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-2
3. Харченко К.В. Рейтинг умных территорий: методологические основы и ключевые показатели. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):79–90. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90

- Kharchenko K.V. Smart territories ranking: Methodological foundations and key indicators. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):79-90. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-79-90
4. Криничанский К.В., Юревич М.А., Фаткин А.В. Связь финансов и роста в России: работает ли канал малого и среднего предпринимательства? *Вопросы экономики*. 2023;(6):76-93. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-76-93
Krinichansky K.V., Yurevich M.A., Fatkin A.V. The finance and growth nexus in Russia: Does the SMEs channel matter? *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2023;(6):76-93. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-76-93
 5. Орлова И.С. Социальный контракт как инструмент государственной политики по снижению уровня бедности. *Управленческое консультирование*. 2022;(1):139-146.
Orlova I.S. The social contract as an instrument of state policy to reduce poverty. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2022;(1):139-146. (In Russ.).
 6. Егорова С.В. Социальный контракт как тренд трансформации государственной социальной поддержки малоимущих граждан: тенденции и риски. *Семиотические исследования*. 2023;3(3):67-76. DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76
Egorova S.V. The social contract as a trend of transforming the low-income state social support: Trends and risks. *Semioticheskie issledovaniya = Semiotic Studies*. 2023;3(3):67-76. (In Russ.). DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-3-67-76
 7. Бобков В.Н., Джандосова Ф.С., Бучкова Я.Ю. Эффективность государственной социальной помощи на основании социального контракта. *Уровень жизни населения регионов России*. 2015;(3):75-108. DOI: 10.12737/13553
Bobkov V.N., Dzhandosova F.S., Buchkova Ya. Yu. The efficiency of the state welfare aid based on the social contract. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2015;(3):75-108. (In Russ.). DOI: 10.12737/13553
 8. Дорофеев М.Л. Развитие методологии комплексного анализа эффективности государственной финансово-инвестиционной модели социального обеспечения населения на примере региональных финансов России. *Финансы: теория и практика*. 2023;27(4):54-65. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65
Dorofeev M.L. Development of the Methodology for Comprehensive Analysis of the Efficiency of the State Financial and Investment Model of Population Social Security Using the Example of Russian Regional Finance. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(4):54-65. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-54-65
 9. Шедько Ю.Н., Ильина И.Ю., Квасов И.А. Использование китайского опыта в управлении здравоохранением России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):112-121. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121
Shedko Yu.N., Ilyina I.Yu., Kvasov I.A. Using chinese experience in russian healthcare management. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):112-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-112-121
 10. Танасова А.С., Соколова Е.Ю., Шандра И.Г., Чигирева А.В. Налоговый и валютный факторы неравенства (к постановке проблемы). *Вопросы экономики*. 2023;(1):146-159. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-146-159
Tanasova A.S., Sokolova E.Yu., Shandra I.G., Chigireva A.V. Tax and foreign exchange factors of inequality (To posing a problem). *Voprosy Ekonomiki (Issues of Economics)*. 2023;(1):146-159. (In Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2023-1-146-159
 11. Гончаренко Л.И. Налоговые преференции в пространственном развитии страны: терминологический аспект исследования. *Финансы: теория и практика*. 2024;28(4):108-121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121
Goncharenko L.I. Tax Preferences in the Spatial Development of the Country: Terminological Aspect of the Study. *Finance: Theory and Practice*. 2024;28(4):108-121. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-108-121

12. Гончаренко Л. И. Диверсификация налоговой системы как фактор реализации национальных проектов развития России. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(3):144-154. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-144-154
Goncharenko L. I. Diversification of the tax system as a factor in the implementation of national development projects in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(3):144-154. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-144-154
13. Лосева О. В., Мунерман И. В., Федотова М. А. Модели оценки и классификации региональных инвестиционных проектов, реализуемых в рамках концессионных соглашений. *Экономика региона*. 2024;20(1):276-292. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
Loseva O. V., Munerman I. V., Fedotova M. A. Assessment and classification models of regional investment projects implemented through concession agreements. *Ekonomika regiona = Economy of Regions*. 2024;20(1):276-292. (In Russ.). DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-1-19
14. Криворучко С. В., Ризванова И. А. Развитие национальной платежной инфраструктуры в условиях цифровизации. *Экономика. Налоги. Право*. 2025;18(5):51-59. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59
Krivoruchko S. V., Rizvanova I. A. The development of the national payment infrastructure in the context of digitalization. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(5):51-59. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-5-51-59
15. Гончаренко М. А., Хацько А. Д. Налоговые инструменты влияния на развитие рынка финансовых услуг. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(5):115-128. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-115-128
Goncharenko M. A., Khatsko A. D. Tax instruments of influence on the development of the financial services market. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(5):115-128. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-115-128
16. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С., Батарин А. А. Идентификация обязанности фиксации расчетов в системе налоговых правоотношений. *Экономика. Налоги. Право*. 2022;15(2):156-166. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-156-166
Goncharenko L. I., Advokatova A. S., Batarin A. A. Identification of the obligation to fix calculations in the system of tax relations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022;15(2):156-166. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-156-166
17. Батарин А. А., Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления. *Финансы: теория и практика*. 2025;29(1):119-132. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132
Batarin A. A., Goncharenko L. I., Advokatova A. S. Tax evasion in retail markets: Causes and ways to overcome. *Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):119-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-119-132

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Михаил Львович Дорофеев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры общественных финансов финансового факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Mikhail L. Dorofeev — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of the Public Finance Department, Financial Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-2829-9900>
dorofeevml@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 27.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 27.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.
The author read and approved the final version of the manuscript.